

Лейкин Николай Александрович

Ребятишки

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Александрович Л.**
Ребятишки / Лейкин Николай Александрович – М.: Книга по Требованию,
2022. – 347 с.

ISBN 978-5-519-92960-8

ISBN 978-5-519-92960-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ВЪ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛѢ.

Учитель, пожилой человекъ въ очкахъ и съ сѣдой щетиной на головѣ, еще не войдя въ классъ, кричать за дверью:

— Молчать! Смирно! По мѣстамъ!

Но вотъ показалась его тощая, непрезентабельная фигура съ журналомъ и линейкой подъ мышкой, остановилась около стола и возгласила:

— Читайте молитву!

Ученики хоромъ запѣли молитву. Это были очень маленькіе мальчики въ самыхъ разнообразныхъ одеждахъ, начиная съ лянучей ситцевой рубашки и опорокъ на ногахъ и кончая старымъ отцовскимъ сюртукомъ съ подвернутыми рукавами. Отъ головъ ихъ пахло деревяннымъ масломъ, отъ сапогъ дегтемъ. Въ комнатѣ было душно.

Во время молитвы какой-то краснощекий и черный, какъ жукъ, мальчикъ пролѣзъ подъ партами въ тщедушному облокурному мальчику въ блузѣ и, ткнувъ его кулакомъ въ бокъ, спросилъ:

— Новичекъ! Есть у тебя что-нибудь пожрать? Дай мнѣ.

— Вишь, ты какой! А что же мнѣ самому-то?— отвѣчалъ тотъ.

— Ты дай половину. Не дашь — я тебя бить буду. Я старшій. Такъ взбучу, что и своихъ не узнаешь! Ну, давай. Что у тебя есть?

— Всего только маленькій кусочекъ ватрушки съ брусникой.

— Ну, и рви половину. Рви... А то худо будетъ.

Тщедушный мальчикъ оторвалъ кусочекъ и далъ.

— Да этого мало! Зачѣмъ же ты себѣ-то больше оставилъ? Вотъ тебѣ маленькій кусокъ, а большой я возьму. Давай! — протянулъ руку краснощекій мальчикъ.

— Не дамъ.

Но кусокъ уже былъ отнять. Тщедушный мальчикъ заплакалъ. Краснощекій уползалъ подъ партами, пятясь задомъ и бормоталъ:

— А фискалить будешь — такъ отдуемъ, что небо съ овчинку покажется.

Молитва кончилась.

— По мѣстамъ! Смирно! — захопалъ линейкой учитель. — Ивановъ! Къ доскѣ!

— У насъ, Василій Федорычъ, новичекъ. Сегодня въ первый разъ привели, — слышалось въ классѣ.

— Смирно! Безъ васъ знаю. Ивановъ, къ доскѣ... Стой тутъ... Новичекъ! Поди сюда.

Тщедушный мальчикъ подошелъ къ столу.

— Ну, ну, ну... Чего ты плачешь? Не люблю этого. Я люблю, кто смотритъ весело.

— Мальчишки обижаютъ,—отвѣчалъ тщедушный мальчикъ, всхлипывая.

— Во-первыхъ, у насъ здѣсь не мальчишки, а ученики. Кто именно тебя обижаетъ? Скажи и укажи.

У доски за спиной учителя показался кулакъ Иванова, грозящій мальчику.

— Кто-же именно тебя обижаетъ?—допытывался учитель.

Новичекъ смотрѣлъ изподлобья и молчалъ.

— Всѣ обижаютъ,—выговорилъ онъ наконецъ.— Дерутся.

— Ну, если-бы всѣ тебя били, то отъ тебя давно-бы ничего не осталось. Какъ тебя зовутъ?

— Гришкой.

— Во-первыхъ, у насъ здѣсь Гришекъ нѣтъ, а есть Григорій. Какъ твоя фамилія?

Мальчикъ молчалъ.

— Развѣ ты не знаешь, что такое фамилія?—продолжалъ учитель.

— Онъ свою фамилію въ бабки проигралъ, — проговорилъ кто-то.

— Кто это сказалъ? Кто смѣетъ острить въ классѣ? Кузьминъ бѣлокурый! Это ты?

— Ей-Богу, не я, господинъ учитель.

— Такъ-кто же сказалъ? Не знаешь? Въ уголъ! Лицомъ къ стѣнѣ! До тѣхъ поръ будешь стоять, покуда не скажешь, кто острилъ. Изъ твоей сто-

роны эти глупыя остроты слышались. Стой, стой въ углу и не оборачивайся. Ивановъ!

— Я здѣсь,—откликнулся ученикъ отъ доски.

— Тыфу! Не съ тобой разговариваютъ. То-бишь... Новичекъ!

— Вы сказали—Ивановъ, а сами говорите, что не со мной разговариваютъ.

— Молчать!.. Наниши за наказаніе на доскѣ двадцать разъ слово „дуракъ“. Десять разъ съ вами спутаешься. Новичекъ! Поди сюда поближе, къ столу. Зачѣмъ ты пятишься? Ну, такъ ты не знаешь, что такое фамилія. Но есть-же у тебѣ какое-нибудь прозвище? Прозываютъ тебя какъ-нибудь?

Новичекъ подумалъ и отвѣчалъ:

— Меня дразнить ерошкой.

Классъ захохоталъ.

— Молчать! Какъ вы смѣете смѣяться!

— Да вѣдь смѣшно, Василій Федорычъ,—сказалъ, улыбаясь, черноглазый мальчикъ съ первой скамейки.

— А если тебѣ смѣшно, то встань вонъ тамъ въ уголъ лицомъ къ стѣнкѣ, и стой тамъ, пока твой смѣхъ пройдетъ. Не туда, не туда... Въ этомъ углу уже стоитъ одинъ безобразникъ. Становись для симметріи въ другой. Новичекъ! Григорій! Ерошкой тебя это только дразнятъ, ругаютъ, но есть-же у тебя кака-нибудь фамилія или прозвище, записанныя въ метрику. Вѣдь у тебя метрика имѣется? Свидѣтельство о крещеніи есть?

— Не знаю, — отвѣчалъ новичекъ и опять заплакать.

— Ахъ, какое наказаніе съ вами! Но, послушай, вѣдь я долженъ-же записать твою фамилію въ журналъ, въ списокъ учениковъ. Ну, какъ зовутъ твоего отца?

— Отца? — протянулъ новичекъ и остановился. — У меня нѣтъ отца.

Учитель пожалъ плечами.

— Однако, все-таки у тебя былъ отецъ. Нельзя-же родиться безъ отца, — сказалъ онъ. — Ну, какъ его звали?

Пауза и за ней отвѣтъ: „не знаю“. Въ классѣ хохотъ.

— Молчать! Какъ вы смѣете смѣяться!.. Масловъ! Бучинъ! Григорьевъ! Вы смѣялись, я видѣлъ. Станьте къ стѣнѣ каріатидами. Вотъ къ этой стѣнѣ. Руки кверху, кверху и положить ихъ себѣ на голову. Новичекъ! Такъ какъ-же мнѣ съ тобой быть, если ты не знаешь своей фамиліи? Ну, слушай, тебя приводила какая-то женщина. Кто эта женщина?

— Мамка.

— Во-первыхъ, такъ не говорятъ, а говорятъ: мать. Мать она тебѣ?

— Мать.

— А отца у тебя нѣтъ?

— Нѣтъ.

— И не было?

— Не знаю.

Ребятишки.

— Родился безъ отца, въ проѣзжаго молодца,—
раздалось въ классѣ.

— Кто это сказалъ?—заоралъ учитель и хлопнулъ
линейкой по столу.

Пауза.

— Повторяю: кто это сказалъ? Не желаете вы-
дать нахала? Всѣмъ стоять! Становитесь на ноги!
Заморю. До тѣхъ поръ не позволю сѣсть, покуда
не выдадите своего остряка. Стойте, стойте! Ива-
новъ рыжій! Ты какъ смѣешь сидѣть, когда я при-
казалъ встать! Или мнѣ?.. Ну!.. Стой за послушаніе
каріатидой. Руки на голову. Новичекъ! Поди-же
сюда, наконецъ! Что ты пятишься! Кто твоя мать?

— Папиросница,—отвѣчалъ новичекъ.

— Ну, какъ ее зовутъ?

— Пелагеей.

— По отчеству, по отчеству?

— Пелагея Ивановна.

— Ну, а фамилія, прозвище? Называютъ-же ее
еще какъ-нибудь.

— Еще-то?—замаялся мальчикъ.—Господа ее зо-
вутъ Полей.

— Какіе господа? Развѣ она въ услуженіи жи-
ветъ?

— Нѣтъ, не въ услуженіи. На квартирѣ, у хо-
зяйки... А господа... Господа вотъ, что къ намъ въ
гости ходятъ, господа, съ которыми она пиво пьетъ.

— Ну, довольно, довольно...—остановилъ его учи-
тель.—Вотъ что, братецъ ты мой, ты скажи своей
матери, чтобъ она сама съ тобой завтра сюда при-

шла или-же прислала записку, въ которой должно быть написано твое имя, отчество и фамилія. Затѣмъ мнѣ нужно метрическое свидѣтельство. Пусть мать приготовить. Понялъ?

— Понялъ.

— Ну, теперь поди и садись на свое мѣсто. Или стой! Пускай лучше твоя мать сама придетъ. А то ты перепутаешь. На мѣсто!—махнулъ новичку учитель и крикнулъ, обращаясь къ другому ученику:— Гавриловъ! Возьми книжку и читай басню „Стрекоза и Муравей“. Смирно! Дождусь-ли я наконецъ тишины!

Линейка учителя застучала по столу. Гавриловъ читалъ басню. На задней скамейкѣ плакалъ новичекъ.

— О чемъ ты?—спросилъ учитель.

— У меня ватрушку украли.

Сапоги.

I.

Не шумѣть! Прежде всего не шумѣть! Смирно!
Тихо!

Учитель вошелъ въ классъ, остановился около стола и застучалъ по столу линейкой.

— По мѣстамъ! Ивановъ второй! Ты отчего не на мѣстѣ?—крикнулъ учитель, придвигая къ столу стулъ.

— Я, Василій Федорычъ, хотѣлъ перо...

— Безъ разговоровъ! Отчего доска не вытерта? Вытрите доску.

Нѣсколько учениковъ начальнаго училища бросились къ доскѣ.

— Не всѣ! Не всѣ! Кто-нибудь одинъ... Старшій! Вытри доску! По мѣстамъ!

— Василій Федорычъ! Кузьминъ щиплетъ,—раздается возгласъ.

— Кузьминъ! Ты что-же это, братецъ?.. Поди сюда.

— Я, Василий Федорычъ, и не думалъ его щипать. Овъ самъ щиплется.

— Встань вотъ въ этотъ уголь, Кузьминъ.

— Фискаль... фискаль...—шипять два голоса на задней скамейкѣ, стараясь отомстить за наказаннаго товарища.

— Смирно!—возглашаетъ еще разъ учитель и ударяетъ по столу книгой.—Кто это мяѣ въ чернильницу орѣховой скорлупы наложилъ?

Въ классѣ молчаніе. Всѣ переглядываются другъ съ другомъ. Слышно, что кто-то фыркнулъ.

— Кто скорлупы въ чернильницу положилъ?—повторяетъ вопросъ учитель.

Отвѣта никакого.

— Старшій! Ты въ отвѣтъ, что у меня скорлупа въ чернильницѣ. За это ты долженъ басню „Стрекоза и Муравей“ переписать къ завтраму три раза. Перемѣни мою чернильницу.

— Орѣхи. Василий Федорычъ, должно быть, еще со вчерашняго въ чернильницѣ.

— Не мое дѣло. Ты долженъ знать, кто записалъ орѣховую скорлупу.

— И ништо ему... Такъ и надо... Не жиль булку,—доносится откуда-то.

— Кто тамъ бормочетъ про булку? Старшій! Кто бормочетъ?

— Не знаю-съ, Василий Федорычъ.

— Кромѣ того, кто-то фыркнулъ давеча... Дождусь-ли я, что у меня въ классѣ будутъ смирно

сидѣть! Старшій! Такъ кто-же фыркалъ и говорилъ про булку?

Старшій молчить.

— Ну?! Ты не желаешь сказать?

— Евонная тетка, господинъ учитель...—начинаетъ старшій сквозь слезы.

— Что такое евонная тетка?

— Да Деревяшкинъ... Евонная тетка приходится намъ кума и заказала папкѣ перетянуть ей переда... А денегъ не отдала... А ейные башмаки принесть онъ... Я говорю: давай деньги, а онъ говоритъ: вотъ тебѣ булка за подожданье...

— Что за дичь ты несешь!

— Вѣрно-съ, господинъ учитель... Онъ тридцать копѣекъ на пряникахъ проѣлъ, а эти деньги евонная тетка намъ за переда прислала.

-- Деревяшкинъ! Поди сюда. Расскажи, въ чемъ дѣло.

-- Онъ у меня, Василій Федорычъ, булку отнялъ и съѣлъ.

— Врешь! Ты самъ мнѣ отдалъ булку, чтобъ я сказалъ папкѣ, чтобы папка подождалъ теткнины деньги.

— А ты булку хотѣлъ мнѣ потомъ отдать, и не отдалъ. Булка была съ патокой. Кромѣ того, я тебѣ четыре наполеоновскія пера подарилъ.

— Ты деньги прежде папкины отдай!

— Я тебѣ пятіалтынный отдалъ.

— А гдѣ-же другой пятіалтынный? Онъ, Василій Федорычъ, на гостинцахъ его проѣлъ.